КНИЖНОЕ СОБРАНІЕ
П. Е. КЕППЕНА
№ 316
Отдѣлъ каталога VI
Шкафъ XII
Полка 2
№ 31

ДРЕВНЯЯ и НОВАЯ

РОССІЯ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РИСУНКАМИ

XVIII. 10.—ОКТЯБРЬ—1880

Петербургъ

ОТЪ КАЗАЛИНСКА
ДО
ХАЛЬ-АТА.

1873 годъ для нашихъ пограничныхъ въ средней Азіи округовъ останется навсегда памятнымъ. Въ округахъ: туркестанскомъ, кавказскомъ и оренбургскомъ закипѣла особенная дѣятельность. Всюду начали приготовляться къ экспедиціи, которая по своей трудности и безпримѣрнымъ лишеніямъ едва ли имѣла что-нибудь себѣ подобное. Это была третья попытка похода въ Хиву. Экспедиція эта, по своей грандіозности, невольно приковала вниманіе и взоры нетолько Россіи, но всей Европы и даже отдаленной Америки. Со всѣхъ концовъ Россіи устремились любители сильныхъ ощущеній. Каждый мечталъ въ это время только объ одномъ—какъ бы попасть въ экспедиціонный отрядъ. Чающіе движенія воды пускали въ ходъ всѣ пружины, напрягали всѣ свои усилія, лишь-бы попасть въ число этихъ немногихъ счастливцевъ, долженствовавшихъ совершить этотъ походъ. Наши глухія и пустынныя киргизскія степи и почтовый трактъ отъ Оренбурга на Казалинскъ оживился массою проѣзжихъ. Оживленіе это было не по силамъ и средствамъ края. Измученныя почтовыя лошади не имѣли ни днемъ, ни ночью покоя: лишь только имъ удавалось возвратиться обратно на станцію, какъ ихъ снова запрягали и гнали въ хвостъ и въ гриву.... А сколько лишнихъ тумаковъ получили ямщики этого тракта по случаю похода! Всякій торопился; всякій боялся опоздать....

Кромѣ массы проѣзжающихъ, въ Казалинскъ скакали на почтовыхъ изъ Россіи разнаго рода транспорты, подъ которые требовались сотни лошадей; одновременно съ этимъ по этому же тракту спѣшилъ 4 стрѣлковый батальонъ. Морозы были жестокіе; бураны и мятели заносили дороги и сильно затрудняли движеніе. Проѣзжающіе съ курьерской подорожной, какъ свидѣтельствуютъ о томъ жалобныя книги, то и дѣло получали отказъ въ лошадяхъ и поневолѣ просиживали на станціяхъ по нѣсколько часовъ. На каждой почти станціи происходили сцены между проѣзжающими и почтсодержателями изъ киргизовъ, въ родѣ слѣдующей:

— Запрягай мнѣ пятерку!

— Патёрку!... Лошадей нѣтъ.... Ни одна лошадь нѣтъ.

— Пошелъ вонъ! Бери лошадей, гдѣ хочешь, чтобы сейчасъ была пятерка.

— А если я пошла вонъ, кто лошадей подастъ?... Ну, а пара довольна?

— Давай пятерку!

— Патёрку!... Ну, а тройка довольна?

Наконецъ, согласившись послѣ торгу на четверку, курьеръ скачетъ дальше.

Проѣзжающимъ по почтовому тракту невольно кидалась въ глаза разница, существующая между почтовымъ сообщеніемъ степи оренбургскаго вѣдомства и туркестанскаго. Путнику было пріятно вступить въ туркестанскій округъ: все рѣзко измѣнялось: вмѣсто дырявыхъ кошомныхъ кибитокъ и полуразвалившихся землянокъ, замѣнявшихъ собой почтовыя станціи, въ туркестанскихъ степяхъ всюду были выстроены чистенькіе дома, въ которыхъ можно было хотя сколько нибудь обогрѣться; всюду можно было достать самоваръ и болѣе или менѣе приличную чайную посуду. Наконецъ, самые почтсодержатели и смотрители станцій были какъ-то привѣтливѣе. Длинныя 30 и 40-верстныя станціи раздѣлены на меньшія. Все это казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что въ туркестанскихъ степяхъ проѣзжающій платитъ $1^1/_2$ копѣйки съ версты и лошади, тогда какъ въ оренбургскихъ онъ платитъ $2^1/_2$ коп., а основаніе и порядокъ почтоваго положенія были тѣ же, такъ какъ новое положеніе вошло въ силу только въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ Казалинскѣ у всѣхъ дѣла было, какъ говорится, по горло. Съ выступленіемъ въ походъ, мы отрывались, такъ сказать, отъ всего міра: нигдѣ мы не могли встрѣтить ни жилья, ни провизіи, ничего, въ чемъ только можетъ встрѣтиться надобность втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ морозъ, дождь, жаръ и пр. Нужно было запастись хлѣбомъ, провизіей въ видѣ консервовъ, разнаго рода приправами, посудой для воды, инструментомъ слесарнымъ, столярнымъ, чуть ли не кузнечнымъ, аптекарскими товарами, желудочными каплями, горчичниками, платьемъ зимнимъ и лѣтнимъ, письменными принадлежностями, лошадьми и фуражомъ для нихъ, однимъ словомъ по всѣмъ частямъ потребленія для разнаго времени года.

Нагружаться слишкомъ много тоже было невыгодно, такъ какъ на это требовались подъемныя средства, а слѣдовательно съ увеличеніемъ запасовъ встрѣчались новыя затрудненія. Нѣкоторые предметы потребленія можно было еще надѣяться достать отъ маркитантовъ, слѣдовавшихъ съ отрядами, которые захватили съ собой разныя яства, а главное—разныя питія, и продавали ихъ по цѣнамъ для себя необиднымъ.

Желая облегчить офицеровъ въ пріобрѣтеніи подъемныхъ средствъ, командующій войсками разрѣшилъ выдавать офицерамъ верблюдовъ по казенной цѣнѣ изъ числа собранныхъ для отряда, т. е. по 10 рублей въ мѣсяцъ, по одному на штабъ-офицера, а на оберъ-офицеровъ по

пол-верблюда. Нѣкоторые не пользовались этимъ правомъ и либо покупали верблюдовъ, или же нанимали по вольной цѣнѣ, платя за каждаго верблюда только 22—25 рублей. Къ этому средству прибѣгали впрочемъ тѣ, которымъ недоставало узаконеннаго числа верблюдовъ. На первый взглядъ это кажется невыгоднымъ, но всущности это было выгоднѣе, такъ какъ туземцы неохотно давали хорошихъ верблюдовъ по казенной цѣнѣ.

Верблюды собраны были по наряду за двѣ и полторы недѣли до похода въ Ташкентъ, Казалинскъ и Перовскъ, и такъ какъ подножнаго корма не имѣлось, а запастись фуражомъ для нихъ никому не приходило въ голову, то вся эта масса, съ первыхъ дней своей службы, обречена была на голодъ, и силы ихъ сразу подорвались. Къ тому же, лаучи, приставленные къ нимъ, не особенно-то за ними ухаживали, и верблюды, сгоняемые на ночлегъ, ложились на сырую и на неочищенную отъ снѣга землю. Верблюды же, какъ извѣстно, требуютъ тщательнаго ухода, въ противномъ случаѣ они, какъ говорится, промерзаютъ, теряютъ здоровье и силы.

Отрядъ, вышедшій изъ Ташкента, былъ снабженъ палатками; казалинскій же отрядъ кошомными кибитками, юртами и юламейками (войлочными палатками, которыя носятъ разныя названія, смотря по своей формѣ и устройству). На каждые 16 человѣкъ нижнихъ чиновъ полагалось по одной кибиткѣ и по одной кибиткѣ или юламейкѣ—на ротныхъ офицеровъ. Кромѣ того, нижнимъ чинамъ выдано было по одному аршину войлока для подстилки, дабы люди не ложились на сырую и холодную землю. Кибитки эти много способствовали къ сбереженію здоровья людей, защищая ихъ по ночамъ отъ сильнаго вѣтра и отчасти согрѣвая ихъ. Я говорю отчасти, потому что большею частью ажурныя кошмы кибитокъ плохо держали внутреннее тепло и невполнѣ оправдывали возлагаемыя на нихъ надежды. По ночамъ въ моей, напримѣръ, юламейкѣ (а она была изъ лучшихъ) морозъ доходилъ до 3°, тогда какъ снаружи термометръ не показывалъ ниже 7°.

Внутри кибитки разводился обыкновенно костеръ, на которомъ люди варили себѣ чай. Огонь поддерживался иногда до поздней ночи, но лишь только онъ тушился, кибитка быстро охлаждалась.

Кибитка возилась на одномъ верблюдѣ, на юламейку полагалось по полверблюду.

Нижнимъ чинамъ вмѣсто водки выдавался ежедневно чай, въ размѣрѣ одного фунта на сто человѣкъ. Это безпорно было очень полезною мѣрою, такъ какъ русскому человѣку по душѣ этотъ напитокъ, а послѣ большаго перехода, либо же утромъ передъ походомъ, онъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ пьетъ чай, чѣмъ водку, да, наконецъ, водку не всякій и пьетъ.

Наше походное интендантство запаслось на походъ кое-какими консервами. Взяты были щи Данилевскаго, супъ или щи князя Долгоруко-

ва и картофельная крупа профессора Киттары. Консервы эти раздавались въ войсковыя части въ тяжелыя для отрядовъ минуты и, само собою, принесли свою пользу. Мы съ удовольствіемъ ѣли эти консервы, а въ особенности картофельную крупу профессора Киттары, которую употребляли какъ приправу для супа, и наконецъ варили ее и придавали ей видъ тертаго картофеля. Нуженъ былъ нѣкоторый навыкъ въ обращеніи съ консервами: излишнее количество щей придавало супу непріятный вкусъ и запахъ столярнаго клея, а у людей съ слабыми желудками вызывало въ такомъ случаѣ тошноту. Но положенные въ должномъ количествѣ щи эти ѣлись съ большимъ апетитомъ. Если не ошибаюсь, то щи князя Долгорукова заключаютъ въ себѣ слишкомъ много соленыхъ частей, вслѣдствіе чего у людей возбуждалась жажда, а при недостаткѣ воды люди мучились и даже падали въ обморокъ. 10-го мая, напримѣръ, я видѣлъ, какъ нижніе чины 4-го линейнаго баталіона, послѣ подобнаго обѣда не напоенные чаемъ, то и дѣло падали въ обморокъ отъ жажды. Нѣсколько глотковъ воды приводило ихъ скоро въ чувство, но все-таки они чувствовали слабость втеченіе нѣсколькихъ часовъ послѣ обѣда. Въ подобныхъ случаяхъ лучшимъ средствомъ для утоленія жажды служилъ холодный чай съ небольшимъ количествомъ краснаго вина или кислоты.

Многіе офицеры запасались и другими консервами, между которыми особенно были полезны и пріятны: эссенція кофе, клюквенный экстрактъ, лимонное масло, сгущенное молоко и страсбургскіе пироги. Рыбные консервы, сардинки и омары непрактичны въ подобныхъ случаяхъ, и рѣдко у кого являлось желаніе поѣсть сардинокъ, которыя пріятны въ болѣе холодную погоду.

Страсбургскіе пироги при недостаткѣ мяса были очень пріятны и, къ удивленію моему, раскупоренная банка не портилась втеченіе трехъ дней, несмотря на то, что жиръ совершенно таялъ.

Клюквенный экстрактъ, лимонная кислота и красное вино съ водой прекрасно утоляли жажду и въ то же время нейтрализовали соли, которыя вредно дѣйствовали на желудокъ, ослабляя его.

Огромное количество консервовъ было въ транспортѣ, посланномъ отъ общества попеченія о больныхъ и раненныхъ воинахъ, отъ котораго былъ командированъ докторъ Гриммъ. Здѣсь кстати нужно замѣтить, что докторъ Гриммъ, при томъ довѣріи, которое онъ возбудилъ въ нижнихъ чинахъ всего отряда, принесъ огромную пользу людямъ, благодаря самостоятельности, съ которою онъ дѣйствовалъ. Нижніе чины, какъ всѣмъ и каждому извѣстно, неохотно обращаются за совѣтами къ докторамъ. Солдатъ не любитъ обращаться къ доктору, не любитъ его безпокоить, такъ какъ въ докторахъ онъ видитъ нѣкоторымъ образомъ начальство. На него дѣйствуетъ даже пустая процедура—писанье рецепта и приказаніе фельдшера «приходи черезъ часъ». Къ доктору же Гримму они обращались охотно. Теплое участіе и немедленная

помощь, оказываемая больному, безъ соблюденія видимыхъ для него формальностей, вселяли и довѣріе, и расположеніе даже къ послѣднему фельдшеру, присланному отъ этого общества. Заболятъ ли у кого глаза отъ пыли, песку, или сильнаго солнечнаго свѣта, онъ тотчасъ же снабжался очками, консервами и примочками; разстроился ли у него желудокъ, неспособный переносить горько-соленую воду, солдатъ снабжался лекарствомъ и кислотой, безъ которой ему совѣтовалось не употреблять воды или чая и которую съ такою охотою употребляли наши солдаты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ больные получали вино.

Изъ Казалинска отрядъ долженъ былъ выступить четырьмя эшелонами и двигаться на Иркибай, гдѣ предполагалось построить временное укрѣпленіе. Первый эшелонъ выступилъ 6-го марта, второй 7-го, третій 8-го, а четвертый, вслѣдствіе запоздавшихъ транспортовъ съ нортоновскими колодцами и транспорта съ консервами, въ свою очередь, раздѣлился на двѣ части: первая часть этого эшелона выступила 10-го, а вторая часть 11-го марта.

Я выступилъ изъ Казалинска 10-го числа, т. е. съ послѣднимъ эшелономъ, съ которымъ слѣдовали начальникъ главнаго отряда Н. К. съ лицами, состоящими при немъ, и всѣ высшіе чины нашего отряда, не связанные службою съ какою-нибудь строевою частью.

Въ составъ казалинскаго отряда входили 8-й туркестанскій линейный баталіонъ, 4-й туркестанскій стрѣлковый баталіонъ, пріѣхавшій передъ самымъ походомъ на подводахъ изъ Оренбурга, дивизіонъ горныхъ пушекъ, взводъ скорострѣльныхъ пушекъ и полторы сотни казаковъ.

Съ этимъ отрядомъ слѣдовали, кромѣ того, транспортъ отъ общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ съ докторами и фельдшерами, транспорты съ консервами и нортоновскими колодцами. Кромѣ того, при отрядѣ припасено было достаточное количество восьми-ведерныхъ боченковъ, въ которые наливалась вода, когда отряду предстояло дѣлать безводные переходы. Подъ всѣми тяжестями казалинскаго отряда состояло до 2,850 верблюдовъ, при которыхъ находилось 430 человѣкъ караванъ-башей и лаучей (вожаковъ-киргизовъ).

Правильное распредѣленіе тяжестей на верблюдахъ было весьма важно, какъ для сбереженія самыхъ верблюдовъ, такъ равно и для скорости и безостановочности нашего слѣдованія. Само собою разумѣется, въ первые дни нашего похода, когда люди еще не привыкли къ вьючкѣ, обозъ нашъ шибко растягивался, такъ какъ на каждомъ шагу вьюки то и дѣло падали и развязывались. Этому обстоятельству много способствовали еще морозы, которые дѣлали веревки дотого жесткими, что трудно было съ ними управиться.—Киргизы-вожаки, слѣдовавшіе при верблюдахъ, въ первое время по врожденной лѣности не обращали никакого вниманія на вьючку и даже не показывали поползновенія помогать солдатамъ въ этомъ дѣлѣ.

Во время движенія верблюды привязывались обыкновенно одинъ къ другому и шли вереницей. Для этой цѣли у верблюдовъ пробивается сквозное отверстіе въ носовомъ хрящикѣ, сквозь которое пропускается деревянный или желѣзный болтъ, закрѣпляемый на одномъ концѣ гайкой, къ другому концу котораго привязывается веревка. Конецъ этой веревки привязывается къ сѣдлу стоящаго впереди верблюда. На каждые 6 или 7 верблюдовъ, подвязанныхъ такимъ образомъ одинъ къ другому, полагается одинъ киргизъ, который ведетъ передняго верблюда или же управляетъ имъ, сидя на немъ. Киргизъ-вожакъ никогда не оглянется назадъ. Сплошь и рядомъ случалось, что свалится какой-нибудь тюкъ, отвяжутся и остановятся нѣсколько верблюдовъ, а киргизъ идетъ себѣ, не замѣчая ничего.—«Эй! тохта! тохта тамыръ! Смотри тюя [1] отвязался!» кричитъ конвоирующій солдатъ, мѣшая для большей ясности въ пересыпку слова киргизскія съ русскими.

Солдаты, вообще говоря, всегда стараются практически изучить языкъ туземцевъ. У нихъ скоро вырабатывается вслѣдствіе этого какой-то средній языкъ, состоящій изъ чистыхъ русскихъ словъ съ примѣсью татарскихъ. Иногда, желая сдѣлать свою рѣчь болѣе понятною для туземцевъ, они коверкаютъ русскія слова дотого, что они становятся просто непонятными для непривычнаго человѣка. Киргизы свыкаются съ этимъ импровизованнымъ языкомъ и охотно заучиваютъ исковерканныя русскія слова, которыя въ силу случайности не заучиваются русскими на туземномъ нарѣчіи.

Солдатъ снисходительно и покровительственно относится къ киргизу. Онъ повидимому смотритъ на него, какъ на существо среднее между собакой, верблюдомъ и человѣкомъ; онъ по временамъ ласкаетъ его, но ласкаетъ такъ, какъ мы ласкаемъ обыкновенно дворняжку. Случалось, что солдатъ удѣлялъ своему тамыру сухарей или хлѣба изъ своей дачи, причемъ добродушно забавлялся, глядя, какъ киргизъ уплеталъ подачку.—«Вѣдь тоже понимаетъ толкъ!» думаетъ онъ при этомъ.

Въ первые дни движеніе наше было скучно. Люди, какъ говорится, не спѣлись, а офицерство не ознакомилось между собой, не втянулось еще въ походную жизнь, и въ нихъ господствовали еще городскія, свойственныя осѣдлому человѣку привычки. Скучному движенію нашему много способствовало еще то обстоятельство, что цѣлыми днями дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, пронизывающій насквозь, что при морозахъ было не особенно-то пріятно. Отъ вѣтра и мороза лицо обвѣтривалось; непремѣнно болитъ носъ; руки потрескаются до крови; а тутъ еще по временамъ и дождемъ смочитъ. При подобной обстановкѣ безпредѣльная, однообразная и голая песчаная степь невольно наводитъ унынie на человѣка.—Изрѣдка на дорогѣ попадется какая-нибудь мазарка (могила, большею частью святаго), которая нѣсколько разнообра-

[1] Тохта—стой; тамыръ—пріятель, тюя—верблюдъ.

зитъ монотонную дорогу, да и то развѣ на первыхъ только порахъ: потомъ ихъ пропускаешь мимо себя какъ верстовые столбы, такъ какъ всѣ онѣ почти одного фасона и даже одного размѣра. Внутренность нѣкоторыхъ изъ этихъ мазарокъ бываетъ разрисована. На стѣнахъ мазарки на Манасѣ, напримѣръ, нарисована цѣлая вереница верблюдовъ, соединенныхъ красными полосами, идущими изъ-подъ хвоста одного верблюда къ концу морды слѣдующаго за нимъ. Подъ этимъ изображеніемъ нарисована другая вереница четвероногихъ животныхъ, долженствующихъ изображать собой лошадей. Преобладающій цвѣтъ во всѣхъ этихъ рисункахъ, конечно, красный.—Иногда попадаются рисунки, изображающіе, напримѣръ, всадниковъ, стоящихъ другъ противъ друга и другъ за другомъ, съ вывороченными набокъ физіономіями. Одинъ всадникъ держитъ въ рукахъ длинную пику, на которую нанизаны, словно бусинки, остальные всадники (вѣроятно наши казаки). Подлѣ каждой мазарки непремѣнно воткнута длинная палка, на верхнемъ концѣ которой болтаются тряпочки, навѣшенныя правовѣрными, и рога надъ входомъ, которые считается обязанностью ставить каждому уважаемому покойнику.

Въ началѣ похода мы выступали съ мѣста ночлега часовъ въ 9 утра и даже позже, такъ какъ погода стояла свѣжая, и людямъ варили и раздавали обѣдъ до выступленія. Сдѣлавъ переходъ верстъ въ 20 или 30, мы останавливались для ночлега на какихъ-нибудь колодцахъ или ключахъ. Самою пріятною минутою для насъ, безспорно, былъ приходъ на ночлегъ. Тотчасъ же разставлялись кибитки, разводились костры и ставились чайники. Люди собирались обыкновенно вокругъ костра, чтобы обогрѣться и обсушиться; начиналось безконечное чаепитіе, толки и разговоры, пересыпаемые обыкновенно остротами. Затѣмъ уже варился обѣдъ или ужинъ, послѣ котораго съ пѣтухами ложились спать. Конечно, и вставали по утрамъ не позже пѣтуховъ. Нужно сознаться: очень непріятно было просыпаться и вставать подъ звуки горна, когда еще темно, когда морозъ дѣйствуетъ особенно раздражающе на нервы, и какъ-то становится непріятенъ тогда гулъ неугомоннаго степнаго вѣтра, завывающаго кругомъ и по временамъ врывающагося во внутрь кибитокъ.

Выслушавъ съ досадой мелодію

«Солдатикъ молодой
Освѣжися водой»...

съигранную большею частью фальшиво какимъ нибудь горнистомъ, быстро выскакиваешь изъ-подъ шубы, одѣваешься, напиваешься чаю и принимаешься за укладку вещей. Затѣмъ и домъ разрушается, навьючивается на верблюда, и опять въ путь-дорогу до слѣдующаго кудука [1]. Верблюды и лошади тоже неохотно принимались за свою службу. Ревъ

[1] Кудукъ—колоденъ; булакъ—ключъ.

верблюдовъ, оплевываніе ими своихъ вожаковъ и людей, принимающихся за вьючку, явно указываютъ, что верблюды питаютъ полное отвращеніе къ взваливаемымъ на нихъ вьюкамъ; но протестъ ихъ былъ напрасенъ. Раздавался потомъ сигналъ въ походъ, и отрядъ потянется длинной вереницей. Иной разъ обозъ растянется на нѣсколько верстъ, пойдутъ падать тюки и верблюды, пойдутъ остановки.

Солдаты, хотя и не втянулись еще въ походную жизнь, но благодаря свѣжей погодѣ, шли бодро и хорошо. Песками идти было легко; но когда дорога пролегала по глинистой или солонцовой почвѣ, то прилипающая къ ногамъ огромными комьями вязкая глина выбивала изъ силъ людей, вособенности тѣхъ, которые назначались въ обозъ, такъ какъ имъ на каждомъ шагу приходилось то поднимать упавшаго верблюда, у котораго ноги разъѣзжались въ глинистомъ грунтѣ, то подымать и перевьючивать развалившіеся вьюки.

Начальникъ отдѣльнаго отряда Н. К. слѣдовалъ безостановочно на Иркибай, гдѣ ему предложено было выбрать мѣсто для временнаго укрѣпленія, и тотчасъ-же приступить къ постройкѣ его. Въ прикрытіе ему назначалось человѣкъ до 20 казаковъ и человѣкъ 20 стрѣлковъ съ двумя скорострѣльными пушками.

Сдѣлавъ одну дневку, мы пришли на Иркибай на одинадцатый день, сдѣлавъ около 230 верстъ.

Хотя общество офицеровъ и не было знакомо между собой, но въ походѣ, какъ это всегда водится, мы скоро ознакомились, начали проводить вечера вмѣстѣ, сидя и обогрѣваясь у костра, и сплошь и рядомъ среди споровъ и веселаго говора не замѣчали какъ проходило время.

Душою общества былъ всѣми любимый и уважаемый нами покойный Дмитрій Ивановичъ Романовъ. Человѣкъ ученый и образованный, онъ обладалъ веселымъ характеромъ и большимъ юморомъ. Въ нашемъ небольшомъ кружкѣ были представители всѣхъ родовъ оружія, что и было иногда причиною живой бесѣды.

— «Наше заведеніе даетъ высшее образованіе и дѣлаетъ человѣка способнымъ исполнять всевозможныя порученія, которыя не могутъ быть возлагаемы на лицъ, хотя и вполнѣ образованныхъ, но не бывшихъ въ этомъ заведеніи», замѣтилъ разъ Б. К.

— «Какая же это такая наука преподается у васъ, которая въ два года дѣлаетъ человѣка способнымъ на все?» спросилъ В. К.

— «Это зависитъ отъ общаго направленія и взгляда на предметъ, который не можетъ развиться такъ и выработаться ни въ какомъ другомъ высшемъ заведеніи. Кому можно дать, напримѣръ, дипломатическое порученіе? Кто занимается у насъ ботаникой? Кто производитъ геологическія изслѣдованія? Кто производитъ метеорологическія наблюденія? Кто собираетъ статистическія данныя? Столь разнообразныхъ

спеціалистовъ не можетъ дать другое высшее заведеніе. Я говорю это основываясь на фактахъ».

— «Основываясь на вашемъ взглядѣ, можно придти къ заключенію, что лучшими министрами были бы офицеры конной гвардіи», отвѣтилъ В. К.

Разговоръ незамѣтно перешелъ на любимую тему Б. К. о вліяніи и значеніи мирныхъ договоровъ и трактатовъ, заключаемыхъ съ средне-азіатскими ханствами.

«Я долженъ замѣтить, что въ статьѣ г. Раевскаго, помѣщенной въ одномъ изъ нумеровъ «Голоса», приводится ложный и рутинный взглядъ по этому предмету. По его мнѣнію, наши договоры въ Средней Азіи необходимо поддерживать штыками, что несовмѣстимо съ воззрѣніями и желаніями людей развитыхъ и преданныхъ интересамъ Россіи», сказалъ Б. К.

— Мнѣ кажется, что нетолько въ Средней Азіи, но и въ Европѣ всѣ мирные договоры болѣе или менѣе поддерживаются штыками. Не изъ любви же къ сосѣдямъ европейскія государства соблюдаютъ трактаты, иной разъ и невыгодные для себя, а выгодные только для сосѣда. Въ Средней же Азіи, гдѣ умственное развитіе несравненно ниже, а произволъ еще въ полномъ ходу, только одни штыки и могутъ вынудить соблюдать и выполнять требуемыя условія.—

«Посольство въ Кашгарѣ, результатомъ котораго было заключеніе трактата мирнымъ путемъ, лучше всего доказываетъ, что мы можемъ достигать нашей цѣли и безъ помощи штыковъ. Дѣло это уже доказано. Господинъ же Раевскій идетъ вразрѣзъ со взглядами, которыхъ должна держаться Россія. Онъ поколебалъ то мнѣніе, которое составилось послѣ посольства нашего въ Кашгаръ, на доказательство котораго было приложено столько труда»...

— Если какая нибудь статейка въ нѣсколько строкъ способна была разрушить за одинъ пріемъ то, на доказательство чего употреблено столько усилій, то это показываетъ только, что доказательства были слабы. Наконецъ это еще не доказано, что Кашгаръ открытъ для нашихъ купцовъ: туда еще никто не рѣшался ѣхать.—

«За одно могу поручиться, что теперь всякій можетъ ѣхать туда безпрепятственно. Когда брали штыками Ходжентъ, то Коканъ былъ недоступенъ для нашихъ купцовъ, но послѣ заключенія конвенціи мирнымъ путемъ Коканъ былъ открытъ для насъ».

— Припомните-ка вы: не въ виду ли угрозы взять Наманганъ и Коканъ Худояръ-ханъ согласился подписать и выполнить требуемыя условія?—

Интересно было бы знать, что скажетъ Б. К., прочтя корреспонденцію изъ Вѣрнаго, помѣщенную въ № 318 «Биржевыхъ Вѣдомостей» отъ 27 ноября. Г. Сомовъ, рискнувшій отправиться въ Кашгаръ послѣ заключенія пресловутаго «договора», какъ видно вполнѣ испыталъ

на дѣлѣ силу мирныхъ договоровъ, заключаемыхъ съ средне-азіатскими ханствами. Онъ повезъ товаровъ на 40,000 рублей, которые принужденъ былъ отдать Якубъ-беку за 29,000 руб., ямбами, при чемъ цѣна ямбы считалась не въ 115 руб. (наибольшая стоимость ея), а въ 128 руб.

Дабы совершить эту выгодную сдѣлку, онъ просидѣлъ подъ арестомъ нѣсколько мѣсяцевъ, лишенъ былъ возможности купить себѣ даже сахару къ чаю; а когда этотъ безпокойный торговецъ рѣшился просить, чтобы ему заплатили хотя бы и по этой цѣнѣ, то его выгнали прикладами изъ дома градоначальника, а за попытку г. Сомова обратиться съ просьбою къ Якубъ-беку, смотритель караванъ-сарая за отлучку плѣнника нещадно былъ битъ палками. Г. Сомовъ испыталъ то же, что испыталъ артиллеріи подполковникъ Рейнтанъ, который впервые посѣтилъ Кашгаръ и который въ воспоминаніяхъ своихъ говоритъ, что «тутъ впервые я почувствовалъ, что нахожусь въ клѣткѣ звѣря и что кругомъ ея та же звѣриная порода».

Ограбленіе г. Сомова едва ли заставитъ нашихъ купцовъ возобновить попытку отсылки каравановъ, каковы бы ни были заключаемы трактаты, развѣ только подъ охраною русскихъ штыковъ.

Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» пишетъ между прочимъ, что, по увѣренію кашгарскаго посланца, «Якубъ-бекъ не зналъ о стѣсненіяхъ русскаго каравана со стороны нашихъ чиновниковъ и строго ихъ накажетъ. Такіе отговорки и даже казнь какого нибудь несчастнаго подставнаго сарта, вмѣсто Алдашъ-бека, могутъ показаться удовлетворительными развѣ уже слишкомъ легковѣрнымъ и неопытнымъ людямъ. Знакомые же съ Кашгаромъ и его повелителемъ никогда не повѣрятъ, чтобы малѣйшее дѣйствіе послѣдняго кашгарца въ отношеніи къ русскимъ не сообразовалось съ точными и положительными приказаніями Якубъ-бека». Далѣе онъ пишетъ: «Послѣдній трактатъ съ Якубъ-бекомъ подписанъ имъ только потому, что онъ нашелъ несвоевременнымъ снимать маску въ виду грознаго отряда, разработывавшаго во время переговоровъ дорогу на Иртышъ, и имѣя на рукахъ неусмиренное возстаніе дунганъ»...

Итакъ, достигли ли мы когда нибудь и чего нибудь мирными договорами?

Мы сидѣли кругомъ костра на разостланныхъ коврахъ и кошмахъ и наслаждались только что завареннымъ чаемъ. Къ чаю поданы были булки, которыя составляли нѣкоторымъ образомъ рѣдкость, такъ какъ рѣдко кто запасался мукой, а еще рѣже кто имѣлъ возможность испечь себѣ во время похода какія нибудь булки.

Обѣдъ нашъ немыслимъ былъ даже безъ песку или какихъ-нибудь другихъ постороннихъ веществъ, и несмотря на эту, повидимому незавидную обстановку, мы скоро съ нею свыклись, и супъ съ пескомъ мы ѣли съ бо́льшимъ аппетитомъ, чѣмъ самыя изысканныя яства ка-

кого-нибудь Донона или Бореля. Дмитрій Ивановичъ Романовъ увѣрялъ даже, что «въ пескѣ-то вся суть и заключается».

На Иркибай мы прибыли 20 марта, гдѣ застали уже первый и второй эшелоны казалинскаго отряда и двѣ роты 8 линейнаго баталіона, прибывшія изъ Перовскаго. По степному положенію мы были встрѣчены чаемъ, который былъ приготовленъ и любезно предложенъ командиромъ баталіона.

Послѣ чаю начальникъ отдѣльнаго отряда Н. К. поѣхалъ выбирать мѣсто подъ укрѣпленіе, и по выборѣ мѣста тотчасъ же приступили къ разбивкѣ и постройкѣ укрѣпленія. Работа закипѣла. Всѣ части были раздѣлены на смѣны, которыя безостановочно работали отъ восхода до заката солнечнаго. Прежде всего необходимо было вырубить сауксауловый лѣсъ на такомъ пространствѣ, чтобы образовать широкій гласисъ. Такъ какъ лѣсу некуда было дѣвать, то его сваливали въ сторонѣ отъ укрѣпленія въ кучи, которыя были сожжены впослѣдствіи въ видѣ иллюминаціи.

Одновременно съ этимъ принялись за рытье колодцевъ, какъ для отряда, такъ и въ крѣпости для будущаго гарнизона. Колодцы для отряда рылись на днѣ сухаго русла Яны-Дарьи, глубина которыхъ была 3 или 4 аршина; въ крѣпости же пришлось вырыть около 20 аршинъ глубиною, такъ какъ мѣсто было возвышенное.

На Иркибаѣ намъ предстояло пробыть нѣсколько дней, вслѣдствіе чего команды тотчасъ же по приходѣ принялись за постройки печей, въ которыхъ бы можно было спечь хлѣбъ, и за устройство бань. Бани дѣлались изъ свободныхъ кибитокъ, въ которыхъ полъ покрывался циновками, и устраивалась печь, натапливаемая саксауломъ.

Лагерь былъ раскинутъ весьма просторно на днѣ сухаго русла; въ срединѣ же расположенія войскъ поставлены были кибитки начальника отряда полковника Голова, начальника отдѣльнаго отряда Н. К. и штаба отряда. Тутъ же вбивались нортоновскіе колодцы, взятые отрядомъ для опыта, изъ которыхъ безъ устанки качали воду отъ зари до зари; но вода, вопреки желанію, не всегда получалась, а если и получалась, то съ большимъ количествомъ песку, который впрочемъ скоро отстаивался, но, въ свою очередь, сильно портилъ клапаны.

Погода стояла уже хорошая и теплая, такъ что днемъ мы обходились безъ теплаго платья; были даже такіе дни, что мы принуждены были надѣвать кителя.

По вечерамъ иногда мы собирались послушать хоровое пѣніе казаковъ, или же музыку хора 8 линейнаго баталіона, которая, несмотря на свое несовершенство, доставляла большое удовольствіе для насъ, служа большимъ развлеченіемъ и разнообразія нашу скучную походную жизнь. Но раздастся выстрѣлъ заревой пушки, взовьется ракета,— все успокоивается, команды собираются для переклички, и послѣ вечерней молитвы всѣ расходятся по своимъ кибиткамъ.

При совершенно чистомъ небѣ, при полномъ безвѣтріи—вечерняя мо-

литва, выполняемая хорами солдатъ и казаковъ, получаетъ особенную торжественность. Окончила свою молитву пѣхота, расходится уже молча по своимъ кибиткамъ, но откуда-то издали долетаетъ еще стройное и звучное пѣніе нашихъ казаковъ.

Къ 25 марта вновь воздвигнутое укрѣпленіе было почти готово и по случаю праздника Благовѣщенія рѣшено было окрестить новорожденное дѣтище и ввести въ него гарнизонъ.

Рано утромъ всѣ войска были выстроены въ линію передъ исходящимъ угломъ барбета въ сухомъ руслѣ, фронтомъ къ крѣпости. Начальникъ отряда, обойдя и поздоровавшись съ войсками, приказалъ ротѣ и сотнѣ, назначеннымъ войти въ составъ гарнизона, вступить въ крѣпость. Войска сдѣлали на караулъ; раздались звуки народнаго гимна и грянулъ первый салютаціонный выстрѣлъ, а съ нимъ одновременно и моментально раскрылся флагъ надъ исходящимъ угломъ, обращеннымъ къ флангу войскъ. Гарнизонъ, войдя въ крѣпость, выстроился въ свою очередь фронтомъ къ флангу, сдѣлалъ тоже на караулъ. Вслѣдъ затѣмъ раздалось дружное «ура»!

Вдругъ въ это время, какъ разъ надъ нашими головами, надъ исходящимъ угломъ этого барбета мы увидѣли парящаго въ воздухѣ орла, который остановился словно для того, чтобы заглянуть на наше торжество. Невольно всѣ взоры устремились на него. Появленіе орла въ эту минуту, когда впервые взвился флагъ надъ новымъ укрѣпленіемъ, его движеніе съ распростертыми и словно неподвижно стоящими крыльями— было какъ нельзя болѣе кстати и усугубило наше торжество.

Начальникъ отряда при входѣ въ укрѣпленіе былъ встрѣченъ начальникомъ отдѣльнаго отряда Н. К., отъ котораго получилъ рапортъ, обошелъ гарнизонъ, поздравилъ его и, прилично настоящему случаю, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ, которыя подъ конецъ были заглушены раздавшимися звуками какого-то марша оркестра 8-го линейнаго баталіона.

Вечеромъ была устроена иллюминація, конечно, мало напоминающая собою обыкновенныя иллюминаціи. На исходящемъ углу барбета былъ устроенъ вензель государя императора, а на небольшой возвышенности, недалеко отъ форта, была навалена куча саксаула, вышиною около пяти саженъ, діаметромъ около трехъ саженъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ этой кучи была набросана другая куча, или костеръ, но впрочемъ меньшаго размѣра. Эти-то костры и были сожжены для иллюминаціи. Большой костеръ далъ пламя вышиною по крайней мѣрѣ саженъ десять и освѣтилъ собою окружающую мѣстность на огромное пространство. Лагерь былъ очень эфектенъ при этомъ освѣщеніи, чему много способствовало то обстоятельство, что весь лагерь былъ нѣсколько наклоненъ къ сторонѣ костра.

Гулянье по сухому руслу Яны-Дарьи и по кочкамъ только что вырубленнаго саксауловаго лѣса, музыка, исполнявшая какія-то аріи и

увертюры, и «Феничка» и тому подобныя пѣсни, распѣваемыя хорами оренбургскихъ казаковъ, ясно указывали, что торжество наше въ полномъ разгарѣ, въ полномъ блескѣ. Разорвавшаяся на станкѣ сигнальная ракета и выстрѣлъ заревой пушки пріостановили наше торжество. Всѣ послѣ вечерней молитвы разошлись по своимъ кибиткамъ.

Изъ Иркибая мы должны были слѣдовать тремя колоннами, изъ коихъ авангардъ, которымъ командовалъ начальникъ отдѣльнаго отряда Н. К., долженъ былъ выступить 27 марта и не имѣть при себѣ лишнихъ вьюковъ, лишняго обоза.

Съ приближеніемъ къ Буканскомъ горамъ мы получили уже нѣкоторые шансы на столкновеніе съ непріятелемъ, такъ какъ по слухамъ онъ находился въ числѣ 4,000 человѣкъ на ключахъ Минъ-булакъ въ 50 верстахъ отъ Буканскихъ горъ.

Снаряженіе къ дальнѣйшему движенію нашему и переходъ къ Буканскимъ горамъ былъ нелегокъ. Предстояло пройти около 145 верстъ безводной песчаной степи, гдѣ только въ одномъ мѣстѣ встрѣчается колодецъ, который, само собою разумѣется, не могъ доставить намъ требуемаго количества воды, и на который мы не могли, да и не должны были разсчитывать. Вслѣдствіе этого намъ необходимо было запастись водой на весь этотъ переходъ, какъ для людей, такъ и для лошадей. Во всѣ части розданы были боченки, вмѣстимостью около 7 или 8 ведеръ, которые мы и должны были наполнить водой на Иркибаѣ. Этой работой мы заняты были цѣлый день 25 числа. Кромѣ того, необходимо было уложить всѣ вещи, распредѣлить ихъ правильно на вьюки и опять встать на походную ногу, такъ какъ, простоявши нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, мы поневолѣ разложили все свое добро и пустили, какъ говорится, корни.

Выступленіе, назначенное на 27 число, не состоялось. Погода была отвратительная; цѣлыя сутки лилъ дождь какъ изъ ведра; вѣтеръ былъ сѣверный, и потому мы изъ кителей, которые надѣли было за два дня до этого, снова влѣзли въ свои шубы и фуфайки. Наши команды должны были слѣдовать дальше безъ кибитокъ, и это была тоже одна изъ причинъ, почему нашли удобнымъ отложить выступленіе. Растворившійся глинистый грунтъ сильно затруднилъ бы движеніе. Цѣлыя глыбы вязкой глины приставали къ ногамъ, такъ что ходить было трудно: сапоги слѣзали. Копыта лошади чуть не до бабки углублялись въ глину, а у верблюдовъ ноги разъѣзжались въ стороны, и они падали при малѣйшей неровности и на косогорахъ.

Для предстоящаго перехода предполагалось посадить всѣхъ людей на верблюдовъ, но такъ какъ въ отрядѣ появилось много уже слабыхъ верблюдовъ, то число верблюдовъ подъ людей пришлось поневолѣ уменьшить. Рѣшено было дать по одному верблюду на каждые четыре человѣка, и сообразно этому разсчету были выданы верблюды въ части. Люди должны были садиться на нихъ поочередно, попарно. Переходы

предполагалось дѣлать такіе, какіе могли только выдержать верблюды безъ вреда для своего здоровья.

28 числа мы тронулись въ путь, покинувъ Иркибай, который, не смотря на всю бѣдность своего положенія и природы, оставилъ въ насъ пріятное впечатлѣніе. Тутъ мы впервые сблизились и ознакомились между собою. Наша кочевая провинція не чужда была партій, которыя всегда образуются тамъ, гдѣ поселяется болѣе одного человѣка, но партіи наши были мирныя партіи, не враждовавшія между собой, жившія дружно между собой, но сплотившіяся только вслѣдствіе различнаго препровожденія времени и различныхъ занятій. На Иркибаѣ мы не чувствовали недостатка ни въ водѣ, ни въ провизіи, и вѣсти изъ Россіи доходили до насъ довольно скоро. Джигиты доставляли намъ журналы, газеты и письма, которые мы разбирали всегда съ особеннымъ интересомъ. Всѣ эти обстоятельства тѣмъ болѣе располагали къ Иркибаю, что съ выступленіемъ оттуда мы, кромѣ разнаго рода лишеній на безпріютной и негостепріимной песчаной степи Кызылъ-Кумъ, теряли надежду на своевременное полученіе почты изъ Россіи. Наконецъ, съ выступленіемъ изъ Иркибая нашъ отрядъ долженъ былъ снова разбиться на нѣсколько частей, а слѣдовательно и все общество поневолѣ разстроилось и раздѣлилось.

Авангардъ казалинской колонны выступилъ изъ Иркибая въ 8 часовъ утра и, сдѣлавъ переходъ около 50 верстъ, остановился для ночлега среди высокихъ песчаныхъ холмовъ.

На протяженіи первыхъ восьми верстъ дорога была убійственная. Она пролегала по глинистой и солончаковой почвѣ, растворившейся отъ дождей. Верблюды то и дѣло падали, а въ особенности на косогорахъ. Люди, желая облегчить верблюдовъ, измаялись, поддерживая на рукахъ вьюки и утопая въ то же время въ вязкой и липкой грязи. Когда мы выбрались изъ глины и вступили на песчаный грунтъ, отряду дали небольшой отдыхъ. Далѣе дорога идетъ по песчаной возвышенности, перерѣзанной на каждомъ шагу песчаными кряжами, которые по мѣрѣ углубленія въ степь становятся все выше и круче. Цѣпь песчаныхъ холмовъ, проходящихъ недалеко отъ колодца Кызылъ-Какъ, издали имѣетъ видъ горъ. Постоянные спуски и подъемы, встрѣчающіеся на пути и, наконецъ, довольно отлогое общее повышеніе мѣстности не позволяютъ ясно видѣть этотъ постоянно увеличивающійся слой песку; но когда мы поднялись на одинъ изъ высокихъ песчаныхъ холмовъ самой большой песчаной гряды, издали имѣвшей видъ цѣпи горъ, то передъ нами открылась обширная песчаная степь, уровень которой довольно круто идетъ къ спуску и подошвою своею упирается въ глубокій и широкій оврагъ съ крутыми и обрывистыми берегами, который какъ бы преграждалъ путь сыпучимъ пескамъ къ Буканскимъ горамъ. Песчаная степь эта покрыта рѣдкою растительностью и преимущественно саксауломъ, но мѣстами встрѣчаются холмы безъ малѣйшихъ призна-

ковъ растительности, и поверхность этихъ холмовъ подъ вліяніемъ постоянныхъ вѣтровъ изборождена мелкою зыбью. Мѣстами, попреимуществу въ болѣе низкихъ и ровныхъ мѣстахъ, попадается болѣе крупный песокъ, не перемѣщающійся съ мѣста на мѣсто. Песокъ этотъ имѣетъ красноватый оттѣнокъ, отчего и вся степь получила названіе красныхъ песковъ (Кызылъ-Кумъ).

Въ первый день мы сдѣлали громадный переходъ около 50 верстъ и пришли на ночлегъ часовъ въ 9 вечера. Конечно, люди не могли бы сдѣлать такого перехода по пескамъ, если бы ихъ не сажали поочередно на верблюдовъ. Вначалѣ перехода люди шли кучами, разговаривали и даже пѣли пѣсенки, которыя доставляли всегда намъ большое удовольствіе и положительно облегчали переходъ, развлекая и заставляя повременамъ забывать тяжесть похода. Но усталость брала свое: разговоры перестали клеиться, голоса ослабли; люди шли молча, изрѣдка дѣлая только замѣчанія по поводу нескончаемыхъ песковъ.

— И откуда это столько песку? Вотъ у насъ въ губерніи почти что и вовсе нѣтъ его... Деньги заплати... А тутъ бери сколько хочешь.

— Да кому онъ и понадобится тутъ? Посадить-то ничего нельзя, картофель развѣ...

Ротныхъ собакъ, которыя съ завистью поглядывали на сидѣвшихъ людей на верблюдахъ, солдаты подчасъ тоже сажали на верблюдовъ. Собака, посаженная на верблюда, вцѣплялась лапами въ сѣдло; находясь постоянно въ полусидячемъ положеніи и балансируя, она не могла долго выдерживать этой качки. Вытянетъ морду, какъ видно долго крѣпится, но не выдержавъ качки, кубаремъ летитъ сверху и, повилявъ хвостикомъ, словно въ оправданіе своей неловкости, убѣжитъ куда нибудь въ сторону.

На наше счастье погода стояла прекрасная; не было особенно жарко; дулъ постоянно свѣжій вѣтерокъ и небо покрыто было облаками. Для нашихъ верблюдовъ и лошадей нашлась на дорогѣ вода въ видѣ дождевыхъ лужъ въ двухъ мѣстахъ, которыя много облегчили наше движеніе. Съ отрядомъ воды взято было слишкомъ мало, полагая не болѣе $^1/_5$ ведра въ сутки на человѣка и $^1/_3$ ведра для лошади. Подобная дача назначена была въ виду того, что погода стояла довольно свѣжая, а по ночамъ положительно было еще холодно.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до колодца Кызылъ-Какъ, начальникъ отдѣльнаго отряда Н. К. встрѣченъ былъ старшинамикакого-то киргизскаго рода, кочующаго зимою у этихъ колодцевъ и жившаго въ это время верстахъ въ 20-ти отъ нихъ. Одинъ изъ этихъ киргизъ считался хозяиномъ этого колодца: чуть ли не его иждивеніемъ онъ вырытъ былъ. Воды оказалось совершенно достаточно для нашего небольшаго отряда, такъ что мы не прибѣгали къ нашему запасу, а лошадей напоили изъ другаго колодца, находившагося не въ дальнемъ разстояніи. На Кызылъ-Какѣ мы дневали, чтобы дать возможность попастись верблюдамъ, но на же-

ланіе, выраженное туземнымъ киргизамъ поохотиться въ окрестностяхъ, они заявили, что хивинскія партіи появились въ Буканскихъ горахъ и что ѣхать безъ большаго конвоя рискованно.

Послѣдній ночлегъ нашъ до Буканскихъ горъ былъ на низменной, совершенно ровной, глинистой площадкѣ и подлѣ какой-то лужи, которую немедленно осушили наши верблюды. Лошади отказались пить эту вонючую и грязную воду, подлѣ которой даже стоять было скверно. Растительность почти прекратилась; для разведенія огня пришлось вырывать корешки мелкихъ травъ, рѣдко растущихъ тутъ, и потому топливо собиралось съ большимъ трудомъ. На этой площадкѣ въ большомъ количествѣ росла асафетида, прямые и толстые стебли которой имѣли видъ кольевъ, вбитыхъ въ землю. Люди 4-го стрѣлковаго батальона по неопытности набрали большое количество ихъ съ цѣлью развести костры. Асафетида даетъ много дыма, который, кромѣ противнаго своего запаха, еще вредно дѣйствуетъ на глаза и, по существующему въ степяхъ повѣрью, будто бы производитъ куриную слѣпоту. Киргизы говорятъ, что лѣтомъ, когда асафетида поспѣетъ, путники срѣзываютъ ее и выжатымъ изъ нея сокомъ утоляютъ жажду, такъ что въ этой пустынной мѣстности она по своей сочности приноситъ огромную пользу, а молодой и сочный корень асафетиды киргизы съ наслажденіемъ употребляютъ въ пищу, считая его въ то же время хорошимъ лекарствомъ противъ грудныхъ болѣзней.

Пройдя верстъ 10 отъ мѣста нашего ночлега, мы подошли къ какому-то очень глубокому и широкому оврагу съ крутыми и отвѣсными берегами. Оврагъ этотъ шелъ по направленію отъ Буканскихъ горъ на сѣверо-западъ и остался вправо отъ насъ, а въ перпендикулярномъ почти къ нему направленіи пересѣкалъ дорогу другой подобный же оврагъ, перейдя который мѣстность пошла къ подъему. Нѣкоторые полагаютъ, что оврагъ этотъ не что иное, какъ высохшее русло когда-то бывшей рѣки Кызылъ-Дарьи. Мѣстность эта съ виднѣющимися вдали Буканскими горами, несмотря на полное отсутствіе жизни, намъ очень понравилась. Намъ надоѣли пески и взоръ нашъ утомленъ былъ однообразіемъ степей. Мы рады были вступить на каменистую почву, рады были тѣмъ холмамъ и крутымъ подъемамъ и спускамъ, которые начали попадаться намъ.

Подъемъ въ Буканскія горы довольно крутъ, а ущелье, по которому пролегала дорога, довольно узко и завалено было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обломками обрушившейся породы. Вдоль ущелья протекала струйка воды, которая шла изъ ключей, расположенныхъ въ уширенной части ущелья, гдѣ мы и разбили свой лагерь. Лишь только развьючили верблюдовъ, всѣ разбрелись въ разныя стороны. Люди пошли по горамъ собирать травы и корешки для топлива и, повидимому, были очень рады пройтись по гористой мѣстности. Всякій считалъ своею обязанностью вскарабкаться куда-нибудь непремѣнно повыше и непремѣн-

но покруче. Люди ничѣмъ незанятые, вполнѣ свободные, и тѣ не упустили удобнаго случая, и едва ли былъ въ отрядѣ человѣкъ, который бы не покарабкался по этимъ скаламъ: это было словно потребностью.

На скалахъ мы нашли очень много надписей на татарскомъ, персидскомъ и арабскомъ языкахъ. Во многихъ мѣстахъ были высѣчены силуэты верблюдовъ, лошадей, барановъ, козловъ и пр. животныхъ. Надписи же гласили, что тутъ проѣзжали и останавливались такіе-то и такіе-то, причемъ нѣкоторыя надписи оканчивались фразой: «а кто хочетъ это знать—тотъ прочитай». Мы тоже не хотѣли не оставить по себѣ памяти, а потому усердно принялись за работу и начали выбивать свои вензеля, кто молоткомъ, кто топоромъ, а кто и просто гвоздемъ при помощи тяжеловѣснаго камня.

На другой день, т. е. 3-го апрѣля, у насъ назначена была дневка, и мы должны были соединиться со вторымъ эшелономъ казалинскаго отряда и потому съ утра принялись усердно за разчистку родниковъ и ключей и устройство небольшаго бассейна, въ которомъ могла бы накопляться и отстаиваться вода. Всѣхъ родниковъ было разчищено до девяти, и по разсчету воды вытекало изъ нихъ до 1,500 ведеръ въ сутки. Въ этотъ же день наши джигиты поймали въ горахъ какого-то афганца, который показалъ, что на Минъ-Булакѣ стоитъ Садыкъ, извѣстный неутомимый грабитель и разбойникъ, имя котораго прогремѣло въ степи, о которомъ ходили разнаго рода невѣроятные разсказы и сложились даже легенды; что этотъ Садыкъ находится тамъ съ тысячной партіей хивинцевъ, которые слѣдятъ за нами и намѣрены насъ безпокоить при всякомъ удобномъ случаѣ. Извѣстіе это насъ очень обрадовало, хотя и невыгодно отозвалось на нашихъ верблюдахъ и лошадяхъ, которыхъ нельзя было угонять далеко пастись, вслѣдствіе чего они принуждены были довольствоваться скуднымъ кормомъ, находившимся поблизости. Мы начали уже приготовляться къ бою, начали строить въ своемъ воображеніи разнаго рода планы, но.... прискакавшій къ намъ джигитъ изъ втораго эшелона привезъ извѣстіе, что второй эшелонъ своротилъ на колодцы Юръ-Кудукъ, т. е. принимаетъ направленіе на востокъ, куда и мы должны двинуться изъ Буканскихъ горъ, такъ какъ послѣдовало измѣненіе маршрута всѣхъ войскъ. Изъ этого же приказанія мы узнали, что джюзакская колонна не идетъ на Минъ-Булакъ, какъ это предполагалось прежде, а направилась на Арыстанъ-бель-Кудукъ, находящійся на бухарской территоріи, и будетъ ожидать тамъ прихода казалинской колонны.

Подобная перемѣна маршрута насъ крайне удивила, встревожила и шибко пришлась не по сердцу. Мы были въ 50 верстахъ отъ непріятеля, не сегодня, завтра должны начаться у насъ стычки и перестрѣлки съ непріятелемъ, которыхъ мы такъ давно ждали и которыя разнообразили бы нашу походную жизнь, а тутъ вдругъ сворачивать въ сторону подъ самымъ носомъ непріятеля. Если только, думали мы, мы идемъ на

Хиву, намъ приходится отмаршировать лишнихъ 300—400 верстъ по пескамъ и кудукамъ и долго не видать намъ Аму-Дарьи.

А тѣмъ временемъ въ степи, между киргизами ходили какіе-то темные слухи насчетъ состоянія джюзакской колонны, а равно и относительно причины перемѣны маршрута: киргизы говорили намъ, что джюзакская колонна бѣдствуетъ; что она потеряла большую часть верблюдовъ; что она принуждена кидать свои тяжести, и что въ Бухарѣ что-то не спокойно. Киргизы сообщили намъ также, что джюзакская колонна чувствуетъ недостатокъ въ хлѣбѣ и верблюдахъ, и что вслѣдствіе этого-то колонна эта не можетъ двигаться дальше, не получивъ подкрѣпленія. Дня черезъ два мы узнали уже изъ вѣрныхъ источниковъ, что оказалось необходимымъ вновь собрать 1,000 верблюдовъ для усиленія подъемныхъ средствъ джюзакской колонны, а хлѣбъ, какъ узнали впослѣдствіи, при содѣйствіи и подъ вліяніемъ генералъ-майора Абрамова, былъ доставленъ своевременно въ отрядъ изъ Бухары.

Теряя на нашихъ переходахъ по нѣскольку верблюдовъ въ день, мы думали вначалѣ, что наши подъемныя средства не находятся въ столь блестящемъ положеніи, какъ въ джюзакской колоннѣ. Но сравнивъ потери наши съ потерями джюзакской колонны и сравнивъ разстояніе, пройденное казалинскимъ отрядомъ, который перешелъ уже 140-верстную безводную и сыпуче-песчаную степь, мы убѣдились, что мы идемъ блестящимъ образомъ и что потери эти сравнительно ничтожны. У насъ еще оставались запасные верблюды, и мы не потеряли ни единаго вьюка. Джюзакская же колонна, которая не испытала еще безводныхъ степей, которой не приходилось слѣдовательно дѣлать форсированныхъ маршей безъ дневокъ, оказалось находилась въ несравненно худшемъ положеніи. Наконецъ дорога до Тамдовъ шла степями, принадлежащими туркестанскому округу, гдѣ всегда могли быть заготовлены и фуражъ для лошадей, и кормъ для верблюдовъ, и наконецъ топливо.

При дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи чрезъ Юръ-Кудукъ на Тамды на ночлегахъ мы были обезпечены относительно топлива. Уѣздный начальникъ въ Тамдахъ артиллеріи подполковникъ Ивановъ распорядился, чтобы на ночлегахъ туземными киргизами заготовлены были дрова, юрты и даже кое-какая свѣжая провизія, которыя пришлись какъ нельзя болѣе кстати.

Отъ Буканскихъ горъ на Тамды мы шли опять безостановочно, безъ дневокъ, такъ какъ намъ велѣно было торопиться на соединеніе съ джюзакской колонной, которая простояла 12 дней на колодцахъ Арыстанъ-бель-Кудукъ. Разстояніе въ 150 верстъ мы сдѣлали въ шесть дней, перейдя въ то же время сыпучіе пески Джаманъ-Кумъ (дурные пески), которые какъ рѣка пересѣкаютъ дорогу на Тамды. Пески эти мѣстами дотого сыпучи, что лошадиная нога вязнетъ въ нихъ выше бабки.

Несмотря на то, что у насъ не было дневокъ, мы должнымъ образомъ отпраздновали 4-е и 8-е апрѣля т. е. первый день св. пасхи. 4-е апрѣля день сформированія туркестанской саперной роты, и одинъ изъ представителей ея, по случаю годовщины, возъимѣлъ желаніе задать приличный этому торжеству обѣдъ. Прійдя на ночлегъ, онъ захлопотался по устройству обѣда, такъ какъ необходимо было собрать отъ приглашенныхъ тарелки, стаканы и прочую посуду, которая если у кого и имѣлась, то въ очень ограниченномъ количествѣ. Обѣдъ былъ приготовленъ на славу, и кушанья его настолько были разнообразны, насколько позволяли только наши средства. За обѣдомъ у насъ былъ рисовый супъ изъ баранины, баранина съ рисомъ, потомъ просто баранина и наконецъ просто рисъ. Для обѣда раскинуты были кибитка и палатка, которыя соединены были такъ, что образовали какъ бы двѣ комнаты; земля устлана была кошмами, а посрединѣ кибитки на кошмѣ постлана была скатерть, кругомъ которой гости усѣлись, поджавъ подъ себя ноги. Хоръ пѣсенниковъ 4-го стрѣлковаго баталіона, репертуаръ котораго особенно богатъ пѣснями игриваго характера, удвоилъ наше торжество.

Первый день праздника св. пасхи намъ пришлось встрѣтить тоже на походѣ, даже безъ дневки. Чтобы сдѣлать дневку на первый день праздника, намъ надо было бы сдѣлать 7-го апрѣля переходъ около 45 верстъ; а между тѣмъ необходимо было поберечь верблюдовъ и не дѣлать безъ особенной крайности такого перехода, и потому въ этотъ день мы прошли около 34 верстъ и остановились въ безводной степи, на которой останавливаться было тоже неудобно. Оставалось рѣшить только, какъ удобнѣе встрѣтить этотъ праздникъ и въ которомъ часу учинить торжество. Встрѣча праздника въ обычное время, т. е. въ 12 часовъ ночи, для насъ была невыгодна. Необходимо было, чтобы люди отдохнули, а потому и рѣшено было, что разговѣнье будетъ отложено до 8 часовъ утра. Люди, по обыкновенію, отказались употреблять мясо въ послѣдніе три дня страстной недѣли и ѣли только сухари и похлебку изъ крупы: другой постной пищи у насъ не имѣлось. Экономія же, загнанная на мясѣ за эти три дня, позволила на праздники увеличить количество отпускаемаго мяса.

Мясо была единственная вещь, которая послужила для разговѣнья, такъ какъ праздникъ этотъ намъ пришлось встрѣчать безъ яицъ, пасхи, кулича и даже безъ воды.

Въ 8 часовъ утра три салютаціонные выстрѣла возвѣстили намъ, что праздникъ начался. Весь отрядъ былъ выстроенъ въ линію. начальникъ отдѣльнаго отряда Н. К., поздоровавшись съ войсками, поздравилъ съ праздникомъ и похристосовался съ офицерами, а затѣмъ съ фельдфебелями, которымъ и выдалъ по красному яичку, припасенному на этотъ случай еще въ Казалинскѣ. Послѣ этого всѣ офицеры были приглашены къ нему на завтракъ. На столѣ стояла вся-

кая для насъ невидаль. Тутъ были и яица, о которыхъ мы не мечтали, страсбургскіе пироги, консервы, дичь, ветчина и только что испеченныя на бараньемъ салѣ пшеничныя лепешки. Все это было для насъ чистымъ лакомствомъ, такъ какъ, находясь цѣлый мѣсяцъ въ походѣ, мы, какъ говорится, сѣли на сухари; остальное давно уже было съѣдено, а подвоза не было. Всё это, конечно, было запито виномъ, а въ заключеніе неизмѣннымъ чаемъ.

Въ 11 часовъ раздался подъемъ; мы уложились, навьючились, а въ 12 часовъ откочевали дальше на соленые колодцы.

— Ахъ ты Господи! да когда же у насъ будетъ дневка?—спросилъ, словно въ раздумьѣ, какой-то солдатъ, тяжело переступая съ ноги на ногу.

— Обожди маненько. Вотъ какъ возьмемъ Хиву, такъ будетъ тебѣ и дневка,—отвѣчалъ другой.

Въ Тамды мы пришли 9 числа, сдѣлавъ огромный переходъ въ 40 верстъ, причемъ дорога на протяженіи 11 верстъ пролегала по сыпучимъ пескамъ Джаманъ-Кумъ. Пески эти называются также кочевыми, такъ какъ они подъ вліяніемъ вѣтровъ постоянно перемѣщаются съ мѣста на мѣсто.

Мы сдѣлали такой огромный переходъ потому, что въ колодцахъ, находящихся по дорогѣ и не доходя верстъ 16 до Тамдовъ, воды мало и она солона, а корму почти что нѣтъ, и во всякомъ случаѣ онъ плохъ, тогда какъ на Тамдахъ ключевая вода въ изобиліи, а подножный кормъ прекрасный. Усиленный переходъ далъ возможность сдѣлать лишнюю дневку на хорошемъ мѣстѣ, гдѣ люди кромѣ отдыха могли бы помыться.

Время стояло уже жаркое; переходы были большіе и, считая отъ Иркибая, на 295-верстномъ пространствѣ мы только разъ, а именно на Бакали, встрѣтили воды въ достаточномъ количествѣ. На остальныхъ колодцахъ воды все-таки было недостаточно, чтобы можно было нетолько помыть бѣлье, но хоть и самому-то помыться, да наконецъ для мытья бѣлья необходимо было время, котораго у насъ тоже недоставало. При переходахъ черезъ Кызылъ-Кумъ до Буканскихъ горъ, а затѣмъ части степи между Буканами и Тамдами, мы настолько дорожили водой, что не позволили себѣ даже помыть лицо, приберегая воду на случай крайности.

Тамды, небольшая разрушенная крѣпостца, еще недавно покинутая бухарцами, расположена у подножья каменистыхъ горъ Акъ-тау. У подножья горы и у самой крѣпостцы находятся прекрасные ключи чистой и вкусной воды. Тутъ устроенъ резервуаръ, въ которомъ накопляется вода, откуда излишекъ ея вытекаетъ при помощи канавъ, орошая окрестныя поля на незначительномъ впрочемъ пространствѣ. Этотъ резервуаръ, или прудъ, а также арыкъ (канава) обсажены кругомъ деревьями, преимущественно ивнякомъ. У самаго пруда находятся постройки на русскій ладъ. Главная и лучшая постройка составляла домъ

подполковника Иванова, завѣдывавшаго населеніемъ кызылъ-кумскихъ степей. Въ настоящее время домъ этотъ, равно какъ и остальныя постройки, изображаютъ обгорѣлыя руины, такъ какъ въ отсутствіе подполковника Иванова, который уѣзжалъ въ объѣздъ по кочевкамъ, Садыкъ разграбилъ и сжегъ его имущество и дома. Когда мы пришли къ Тамдамъ, подполковникъ Ивановъ, съ своимъ конвоемъ изъ полсотни казаковъ, помѣщался въ кибиткахъ. Въ одной верстѣ отъ резервуара построена русская баня.

Тамды произвели на насъ самое пріятное впечатлѣніе. Тутъ впервые встрѣтили мы деревья и вообще зелень, которой на всемъ 530-верстномъ пространствѣ ни разу не попадалось намъ. Кромѣ того, радушный хозяинъ, который встрѣтилъ насъ еще на колодцахъ Юзъ-Кудукъ и слѣдовалъ съ нами на Тамды, угостилъ насъ прекраснымъ обѣдомъ, въ которомъ не фигурировали консервы зелени, отчасти надоѣвшіе намъ, а приготовленъ былъ изъ свѣжей провизіи. Вечеромъ, на сонъ грядущій, всѣ попарились въ банѣ. Такъ какъ баня была небольшая, то люди впускались туда небольшими партіями, и потому втеченіе двухъ дней стоянки на этомъ мѣстѣ баня занята была съ ранняго утра до поздней ночи.

Не доходя нѣсколькихъ верстъ до Тамдовъ, мы встрѣтили обратнаго джигита, который посланъ былъ въ джюзакскій отрядъ. Джигитъ этотъ привезъ съ собой отъ генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана двѣ или три корзинки съ яйцами, которыя командующій войсками прислалъ въ казалинскій отрядъ по случаю свѣтлаго праздника. Въ пакетѣ, доставленномъ джигитомъ и адресованномъ на имя начальника авангарда, находилась маршрутная карта, составленная по распросамъ, и описаніе пути, по которому рѣшено было двинуть туркестанскій отрядъ. Изъ писемъ, полученныхъ разными лицами, мы узнали, что джюзакская колонна выступаетъ изъ Арыстанъ-бель-Кудукъ 10 или 11 числа, а что общее соединеніе должно произойти на Хальата 22 числа.

Въ джюзакской колоннѣ праздникъ св. пасхи встрѣченъ былъ на Арыстанъ-бель-тау должнымъ образомъ: тамъ былъ и священникъ, который отслужилъ обѣдню, и пасхи, и куличи, и яйца, которые подвозились либо изъ Самарканда и Джюзака, либо, напримѣръ куличи, пеклись на мѣстѣ. Мало того: тамъ не забыли свѣтскихъ приличій и дѣлали другъ другу визиты, переходя отъ одной палатки въ другую.

Съ этимъ же джигитомъ получено было приказаніе, въ которомъ значилось, что джюзакская колонна составляетъ общій арьергардъ туркестанскихъ войскъ и должна слѣдовать двумя эшелонами. Дачу сухарей приказано уменьшить, такъ какъ въ нихъ уже чувствовался недостатокъ въ джюзакской колоннѣ. Это послѣднее извѣстіе было для насъ очень неутѣшительно. Не разсчитывая на такой длинный походъ, во время котораго не удалось бы освѣжить и пополнить нашъ порціонный

скотъ (такъ какъ по заранѣе составленному маршруту мы должны были бы быть на Аму-Дарьѣ въ половинѣ апрѣля), наши подрядчики гнали за отрядомъ небольшое стадо, предполагая, что имъ удастся купить скотъ у киргизовъ, кочующихъ на правомъ берегу Аму-Дарьи дешевле, чѣмъ въ Казалинскѣ. По случаю же перемѣны маршрута и невозможности пополнить запасъ на всей пустынной мѣстности, по которой пролегалъ путь казалинскаго отряда, у подрядчиковъ нашихъ почувствовался недостатокъ въ мясѣ. Сала отъ недостатка корма почти не было, и потому кашу пришлось ѣсть, нетолько солдатамъ, но и офицерамъ, какъ говорится, въ сухомятку. Въ приказѣ по войскамъ значилось, что нижнимъ чинамъ разрѣшено выдавать по одному фунту мяса, и что для этого утверждается цѣна на приварокъ 8 копѣекъ, изъ коихъ одна копѣйка на соль, перецъ и проч. приправу. Въ сущности же выдавать по одному фунту было невозможно, не входя въ долги, такъ какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ фунтъ говядины стоилъ 11 коп., а въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ фунтъ говядины обходился 20 коп., такъ какъ баталіонъ этотъ передъ самымъ походомъ прибылъ въ Казалинскъ и не имѣлъ возможности заключить контрактъ съ подрядчикомъ по меньшей цѣнѣ.

Мы завидовали джюзакской колоннѣ, которая всущности была обставлена во многихъ отношеніяхъ несравненно лучше казалинской. Путь ея отъ сборнаго мѣста, р. Кны, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Джюзака, пролегалъ вплоть до Арыстанъ-бель-Кудука по территоріи, принадлежащей уже Россіи и частью касавшейся бухарскихъ владѣній. На всѣхъ стоянкахъ у нихъ появлялись чуть ли не базары, гдѣ можно было пріобрѣсти нетолько съѣстные припасы, но даже фуражъ для лошадей, а повременамъ посуду и проч. предметы. Ни киргизы, ни осѣдлое населеніе окружающихъ мѣстъ не боялись доставлять туда провизію. Казалинская же колонна на всемъ протяженіи до Тамдовъ не встрѣтила даже ни одной кочевки. Киргизы, кочевавшіе въ Буканскихъ горахъ и Кызылъ-Кумахъ, откочевали въ сторону, зная хорошо, что недалеко отъ Бокали на Минъ-Булакѣ стоитъ Садыкъ съ своей партіей, который навѣрное мстилъ бы имъ за ихъ содѣйствіе намъ, а защитить мы ихъ тоже не могли, такъ какъ гнаться, не имѣя кавалеріи [1], за шайками, по «Богомъ проклятой мѣстности», какъ называютъ киргизы Кызылъ-Кумъ между Иркибаемъ и Буканами, было бы невозможно.

Въ Тамдахъ пришлось разсортировать верблюдовъ и болѣе слабыхъ отправить обратно; взамѣнъ же забракованныхъ намъ было доставлено до 300 свѣжихъ, которые собраны были отъ кызылъ-кумскихъ киргизовъ. Кромѣ того, кое-какія тяжести, въ томъ числѣ и имѣвшіеся при отрядѣ нортоновскіе колодцы, сданы были на сбереженіе мѣстному бію.

[1] Въ Казалинскомъ отрядѣ только полсотни оренбургскихъ казаковъ. Одна сотня была оставлена на Иркибаѣ въ укр. Благовѣщенскомъ.

Въ отношеніи подъемныхъ средствъ, какъ я замѣтилъ уже, казалинскій отрядъ сравнительно былъ въ блестящемъ положеніи. Трудно сказать, что поддерживало ихъ и въ чемъ спеціально заключалась причина, почему силы и здоровье ихъ не терялись такъ быстро, какъ въ джюзакской колоннѣ. Нужно полагать, что тутъ было нѣсколько причинъ. Судя по тому, что намъ приходилось слышать отъ офицеровъ, слѣдовавшихъ съ разными эшелонами, можно только заключить, что обращеніе, уходъ и даже самое движеніе, не говоря уже о кормѣ и пойлѣ, имѣли огромное вліяніе на упадокъ силъ верблюдовъ джюзакской колонны.

Въ казалинской колоннѣ, нужно отдать полную справедливость, начальникъ отряда полковникъ Головъ обращалъ особенное вниманіе на уходъ за верблюдами. Надзоръ за всѣми верблюдами отряда былъ поручаемъ какому-нибудь одному лицу изъ караванъ-башей, т. е. отчасти и хозяевъ верблюдовъ, тогда какъ въ джюзакской колоннѣ они сдавались въ части, которыя и обязаны были имѣть уходъ за ними. Само собою разумѣется, начальникъ части не входилъ въ подробности, когда и какъ поили или кормили верблюдовъ, возлагая все это на вожаковъ-киргизовъ, полагая, что имъ лучше извѣстенъ способъ обращенія съ ними. Вожакъ-киргизъ, или лаучи, большею частью бѣдный, не имѣетъ собственныхъ верблюдовъ, а по врожденной лѣности не станетъ заботиться безъ понудительныхъ причинъ о чужой собственности, да наконецъ онъ и не отвѣтчикъ. Обопьется ли верблюдъ, или совсѣмъ не напьется, ему рѣшительно все равно. Верблюдъ не привыкъ къ военной субординаціи. Выстраивать, равнять и требовать, чтобы втеченіе всего перехода верблюды соблюдали равненіе и шли морда въ морду невозможно, а еще хуже если изъ-за одного или двухъ верблюдовъ, отставшихъ или потерявшихъ свои вьюки, останавливать всю колонну. Иногда, конечно, подобный порядокъ вызывается крайностью, какъ напримѣръ въ виду непріятеля, или же по близости его; но въ джюзакской колоннѣ подобное равненіе, говорили намъ, началось съ выступленія войскъ изъ Ташкента. «Выровнять верблюдовъ! Картинку! Картинку! Подать мнѣ картинку!»—вотъ общія требованія и выраженія, которыя не разъ были высказываемы и которыя достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ относились къ верблюдамъ.

Въ казалинскомъ отрядѣ начальники эшелоновъ постоянно ѣхали то въ обозѣ, то въ арьергардѣ, сами наблюдая за всѣмъ. Боже сохрани, чтобы какой-нибудь солдатъ позволилъ себѣ сѣсть на вьючнаго верблюда. Люди опытные весьма правильно смотрѣли, что вся суть заключается въ сбереженіи здоровья и силъ верблюдовъ. Въ казалинскомъ отрядѣ повременамъ, когда нельзя было ожидать появленія шаекъ, верблюды, можно сказать, паслись дорогой, т. е. они шли всю дорогу не сплошной массой и безъ равненія, а съ интервалами, причемъ верблюдъ на ходу ѣлъ сколько ему было угодно. Это нисколько не мѣшало

нашему движенію: напротивъ, мы шли всегда очень скоро, дѣлая не менѣе четырехъ верстъ въ часъ. Сплошная, густая масса верблюдовъ затрудняла движеніе, и верблюды, оставаясь дольше подъ вьюками, тѣмъ самымъ имѣютъ меньше времени пастись на ночлегахъ. Отъ зари до зари имъ требовался покой, и оставлять въ полѣ ихъ нельзя, а необходимо сгонять на одно мѣсто, такъ какъ въ противномъ случаѣ они разбредутся, и ихъ не найдешь. Свободный верблюдъ, взявъ направленіе, пощипывая кормъ, идетъ все прямо: онъ слишкомъ флегматиченъ, несосредоточенъ и разсѣянъ.

Какъ въ Ташкентѣ, такъ и въ Казалинскѣ, верблюды сразу поставлены были въ невыгодныя условія относительно корма. Лучшіе верблюды были изъ Перовскаго уѣзда, но ихъ было только 740; но за то между ними было очень много наръ, т. е. одногорбыхъ верблюдовъ, которые сильнѣе и выносливѣе.

Главныя потери верблюдовъ въ казалинскомъ отрядѣ начались съ выходомъ изъ Буканскихъ горъ, когда имъ приходилось идти по каменистой почвѣ съ постоянными подъемами и спусками, которые повременамъ были очень круты. Отъ Буканскихъ горъ дорога пролегала вдоль ряда горъ, составляющихъ какъ бы отдѣльныя возвышенности, но въ сущности составляющихъ продолженіе цѣпи горъ, тянущихся отъ Кашкаръ-Даванскаго хребта.

Недостатокъ верблюдовъ преимущественно началъ чувствоваться у Султанъ-Биби, т. е. по проходѣ 700 верстъ, изъ коихъ вдоль каменистыхъ горъ до 300 верстъ. У Султанъ-Биби мы не могли уже поднимать всѣхъ тяжестей.

Еще одно довольно курьезное обстоятельство: послѣ продолжительныхъ дневокъ и стоянки на одномъ мѣстѣ, верблюды какъ будто бы слабѣли, и мы послѣ стоянокъ теряли ихъ въ большомъ количествѣ. Кажется, нужно было бы ожидать, что на стоянкахъ они должны были бы поправиться, откормиться; кажется, усиленные переходы должны были бы хуже отозваться на силахъ верблюдовъ; но сравнивъ опять-таки движеніе двухъ отрядовъ, опять приходимъ къ противоположному результату. Если не считать 8-ми-дневной стоянки на Иркибаѣ, гдѣ необходимо было остановиться для возведенія укрѣпленія, нѣкоторыя части казалинскаго отряда прошли 760 верстъ въ 39 дней, имѣя на пути всего 8 дневокъ, т. е. среднимъ числомъ по $24^1/_2$ версты въ сутки и по разсчету 570 верстъ въ мѣсяцъ, что составляетъ крайне форсированный маршъ. Считая же съ той остановкой, которая произошла на Иркибаѣ, выходитъ, что въ мѣсяцъ отрядъ дѣлалъ 497 верстъ, а 500 верстъ считаются уже форсированнымъ маршемъ [1].

Джюзакская колонна отъ Ташкента до Халъ-ата, считая съ днев-

[1] «Артиллерійскій журналъ» № 12 за 1873 г., „Дѣйствіе скорострѣльныхъ пушекъ въ Хивинской экспедиціи“, А. Литвинова.

ками, прошла въ 50 дней пространство въ 630 верстъ, т. е. сдѣлала по разсчету около 380 верстъ въ мѣсяцъ [1].

Какъ ни курьезенъ этотъ фактъ, но онъ вѣренъ. Почему это происходило—трудно сказать. Это подтверждаетъ только предположеніе, что уходъ и обращеніе съ верблюдами были неодинаковы въ обоихъ отрядахъ.

Въ джюзакской колоннѣ, какъ видно изъ записокъ полковника Колокольцева, съ первыхъ дней принялись муштровать верблюдовъ. На первомъ же переходѣ онъ отодвинулъ отрядъ съ обозомъ отъ сборнаго пункта на полторы версты и снова началъ выстраивать и равнять верблюдовъ. А пока онъ вызывалъ авангарды, арьергарды, боевыя охраны, читалъ рѣчи, знакомился и рекомендовался офицерамъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, верблюды напрасно только мучились подъ вьюками съ 5 часовъ до $6^1/_2$ часовъ, да еще въ скверную погоду, на растворившемся глинистомъ грунтѣ. Онъ, вѣроятно, приписываетъ всю неудачу 13-му числу, которое вертѣлось у него на мысляхъ. Онъ пишетъ: «Верблюдовъ я потерялъ порядочное число, а тюки, когда на другой день были подобраны...» Въ теряніи вьюковъ съ первыхъ же дней намъ кажется виновато уже не 13 число: оно происходило отъ неумѣнія обращаться съ верблюдами.

Жаль, что въ запискахъ такъ коротко описанъ путь, пройденный имъ до Халъ-ата и что только въ одномъ мѣстѣ прорвалось у него относительно обращенія съ верблюдами, и что вслѣдствіе этого трудно составить себѣ вѣрное и точное понятіе о движеніи обоза и о причинахъ, почему силы верблюдовъ такъ быстро падали въ этой колоннѣ. Можно быть только увѣреннымъ, что еслибы авторъ все время велъ казалинскую колонну съ такими порядками, то едва ли бы ему удалось когда нибудь видѣть Буканскія горы, и онъ предалъ бы землѣ не двухъ лаучей, а весь ввѣренный ему отрядъ.

12-го апрѣля мы покинули Тамды и должны были перейдти каменистый хребетъ горъ, тянущихся поперекъ дороги. Для верблюдовъ переходъ этотъ былъ крайне неудобенъ. Постоянные спуски и подъемы по голому и отчасти острому камню поневолѣ растянули нашу колонну. Отъ мѣста нашего ночлега на дорогу, ведущую на Арыстанъ-бель-Кудукъ, ведутъ два пути: первый, по которому мы направились, шелъ черезъ каменистый перевалъ; второй, обходный, по низменной мѣстности. Подполковникъ Ивановъ рекомендовалъ первый путь, такъ какъ онъ много сокращаетъ дорогу; кромѣ того, второй путь затруднителенъ для перехода своими песками.

Къ вечеру на горизонтѣ заблистала молнія, подулъ страшный вѣтеръ и пошелъ дождь, который впрочемъ не былъ продолжителенъ. Слѣ-

[1] Съ 3-го марта по 21-е апрѣля, „Экспедиція въ Хиву“, Колокольцева. «Военный Сборникъ» № 8 за 1873 г.

дующіе за тѣмъ два перехода по своимъ крутымъ спускамъ и подъемамъ и каменистому грунту также были крайне трудны. На ровныхъ глинистыхъ мѣстахъ движеніе наше затруднялось отъ большаго числа норъ, которыми изрыта была вся поверхность. На каждомъ шагу ноги нашихъ лошадей и верблюдовъ проваливались въ эти норы. Ѣхать рысью было рискованно. Норы эти принадлежатъ черепахамъ и особаго рода ящерицамъ, длина которыхъ доходитъ до полутора аршинъ, а толщина до четырехъ дюймовъ. Туземцы зовутъ ихъ, если не ошибаюсь, игкемеръ, т. е. сосущіе козу, такъ какъ у нихъ существуетъ повѣрье, что ящерицы эти питаются козьимъ молокомъ. Намъ удалось видѣть подобную ящерицу, пойманную нашимъ джигитомъ. Онъ, впрочемъ, убилъ ее палкою и потомъ затянулъ шею ремнемъ. Руками онъ ни за что не рѣшался дотронуться до нея, считая ее поганою, Киргизъ этотъ вообще придавалъ какое то особое свойство этой ящерицѣ, но какое именно, я не могъ хорошо понять, такъ какъ онъ плохо говорилъ по русски. Онъ увѣрялъ, между прочимъ, что нехорошо, если она пробѣжитъ по землѣ подъ ногами, и на вопросъ мой, что изъ этого выйдетъ, онъ отвѣтилъ: «Будешь тогда меринъ».

Шкура этихъ ящерицъ высоко ими цѣнится: она, какъ рыбья шкура, идетъ на отдѣлку ножонъ для сабель и ножей. Киргизъ просилъ за эту ящерицу 15 рублей.

На Арыстанъ-бель-Кудукѣ мы впервые узнали, что значитъ стоять бивакомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ постоялъ уже нашъ отрядъ. Не было, кажется, мѣста, на которое можно было бы сѣсть смѣло, не поскобливши его предварительно и не подсыпавъ на это мѣсто немного свѣжаго песку. Зловонія и міазмы отъ выброшенной и незарытой требушины и павшаго скота были омерзительны; кругомъ тряпье, мусоръ и тому подобная дрянь. А коли попадется какой нибудь овражекъ вблизи того мѣста, гдѣ стоялъ русскій отрядъ бивакомъ, такъ онъ положительно становится непроходимымъ. Туземецъ въ этомъ случаѣ чистоплотнѣе насъ: онъ, какъ кошка, выроетъ себѣ ямку, которую и засыплетъ потомъ.

Переходъ отъ Арыстанъ-бель-Кудукъ на Маламджанъ сильно затруднялся крутымъ спускомъ, идущимъ на протяженіи около одной версты, и узкимъ ущельемъ, по которому дорога пролегаетъ первыя три версты. Довольно долго провозившись на этомъ спускѣ, мы къ 9-ти часамъ вышли на ровную и открытую мѣстность, кое-гдѣ перерѣзанную солончаково-глинистыми площадками, которыя покрыты окристализовавшеюся солью, отчего издали кажутся покрытыми снѣгомъ.

День былъ жаркій, и дышать было трудно: въ воздухѣ совершенная тишина и духота невыносимая. Духота и жаръ припекающаго солнца дѣйствуютъ какъ-то одуряюще на голову и нагоняютъ сонъ; вѣки словно ослабѣваютъ и невольно опускаются. Свѣтъ дневной рѣжетъ глаза. Хочешь открыть глазъ—не можешь. Изрѣдка наскочитъ шальной

степной смерчъ, обдастъ пескомъ и пылью, на мгновеніе разгонитъ дремоту; но прошелъ смерчъ, все стихло, и снова духота. Поднимающаяся мелкая пыль изъ подъ копытъ лошадей еще больше затрудняетъ дыханіе. Наконецъ, вдали показались колодцы; мы прибавили шагу. На всемъ этомъ пути попадались намъ дохлые верблюды; на мѣстѣ ночлега тоже былъ павшій верблюдъ; одинъ колодецъ заваленъ дохлымъ верблюдомъ, а въ другомъ колодцѣ плавали клочки бумаги, бывшей въ употребленіи, и прочій соръ. Все это, со всѣмъ зловоніемъ, оставлено намъ въ наслѣдство джюзакской колонной.

На Карасъ-ата мы встрѣтили тоже нѣсколько сакель и ключъ чистой воды, который обсаженъ кругомъ деревьями.

На Карасъ-ата и на Гуркъ-кудукъ десятками валялись вьюки интендантскаго склада, брошенные джюзакской колонной по недостатку подъемныхъ средствъ. Въ джюзакской колоннѣ давно уже недоставало верблюдовъ, хотя не разъ пополняли ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Кромѣ 1,000 верблюдовъ, доставленныхъ, по распоряженію завѣдующаго кызылъ-кумскимъ населеніемъ, киргизами Джетыруйскаго рода и каракаинаками, они подкрѣпили свои подъемныя средства 600 верблюдами, доставленными на Карасъ-ата посломъ Яхши-бекъ-удайчи по приказанію эмира бухарскаго. Тутъ привезено было изъ Бухары до 3.200 пудовъ муки, 400 пудовъ ячменя и 240 пудовъ рису, которые какъ нельзя болѣе пришлись кстати нашему голодающему отряду. Но кромѣ этихъ двухъ крупныхъ пополненій были пополненія въ меньшемъ размѣрѣ.

Бухарскіе караваны, зная, что войска наши чувствуютъ недостатокъ въ верблюдахъ, боялись выходить на эту дорогу и попадаться намъ. Это объяснилось однажды слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ эшелоновъ, двигаясь вдоль какихъ-то горъ, тянущихся слѣва отъ дороги, замѣтилъ вдругъ, что въ горахъ что-то движется, а у подножья горъ что-то стоитъ подозрительное и недвижимое. Конечно, первое подозрѣніе пало на непріятеля, и всѣ были увѣрены, что произойдетъ стычка. Горнисты заиграли тревогу, и все переполошилось, тѣмъ болѣе, что эшелонъ и обозъ его растянулся чуть ли не на нѣсколько верстъ, а въ хвостѣ его слѣдовали запасные, хотя и истомленные верблюды. Обозъ быстро начали стягивать; всѣ приготовились дать отпоръ непріятелю, а непріятель попрежнему стоитъ себѣ неподвижно. Послали казаковъ узнать, въ чемъ дѣло, и кто это появился. Оказалось, что шелъ караванъ изъ Бухары и, провѣдавъ, что идутъ русскія войска и что въ верблюдахъ чувствуется недостатокъ, они, боясь, чтобы у нихъ не отобрали верблюдовъ, сняли свои вьюки, сложили ихъ на землю, а сами пустились бѣжать въ горы. Когда все это разъяснилось и все успокоилось, то оказалось, что нѣсколько человѣкъ лаучей съ запасными верблюдами изчезли.

Движеніе отряда нашего съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе и труднѣе. По недостатку подъемныхъ средствъ 16-го апрѣля при-

казано было раздать десятидневный провіантъ въ части, изъ коего четырехдневный солдаты должны были нести на себѣ, а остальной распредѣлить на верблюдовъ. Несмотря на постоянное освобожденіе верблюдовъ изъ-подъ провіанта, всѣ эшелоны начали кидать свои вьюки, за которыми посылали болѣе сильныхъ и надежныхъ верблюдовъ съ мѣста ночлега. А это въ свою очередь подорвало силы остальныхъ верблюдовъ. Но что же было дѣлать? Необходимо было дотянуть до мѣста, на которомъ предполагалось возвести укрѣпленіе, гдѣ и разсортировать вещи на необходимыя и на такія, безъ которыхъ мы могли пока обойтись. Но въ состояніи ли мы были дойдти такимъ образомъ до Халъата?—вотъ вопросъ, который началъ интересовать уже насъ. Дѣло въ томъ, что измѣненіе маршрута послѣдовало вслѣдствіе того, что дорога эта, какъ говорили тогда, оказалась лучшею, и что о ней собраны были положительныя свѣденія, по которымъ и составлена маршрутная карта. Но на составленной картѣ и по маршруту значится, напримѣръ, что разстояніе между Гуркъ-кудукомъ и Султанъ-биби не болѣе 24 верстъ, въ дѣйствительности же оказалось разстояніе это около 45 верстъ, а нѣкоторые утверждали, что тутъ цѣлыхъ 50 верстъ. Подобные сюрпризы были уже намъ не по силамъ. Подобные переходы мы не могли уже дѣлать: намъ необходимо было раздѣлять ихъ на два и запасаться водой, для чего требовались подъемныя средства.

Всякій подобный сюрпризъ давалъ поводъ киргизамъ думать, что бухарскій посланникъ и бухарцы, находящіеся при отрядѣ въ видѣ вожаковъ, съ умысломъ даютъ ложныя показанія, желая заморить наши войска. Одинъ киргизъ говорилъ намъ: «Они обманываютъ васъ, но съ ними церемониться не нужно. Отъ эмира нужно требовать верблюдовъ, такъ какъ съ этими трудно будетъ дойдти до Хивы. Если эмиръ не дастъ верблюдовъ, то нужно идти въ Бухару, а въ Бухару мы укажемъ дорогу. Ваши войска бой! бой! какъ хороши, съ ними не пропадешь». Взаключеніе онъ прибавилъ, что киргизы убѣждены, что мы принуждены будемъ свернуть на Бухару.

Они основывали свое убѣжденіе на томъ, что разстояніе отъ Халъата до Аму-Дарьи нѣкоторыми показывается въ 76 или около 80 верстъ; бухарскій же посланникъ утверждаетъ, что не болѣе 56 верстъ, тогда какъ киргизы, находившіеся въ казалинской колоннѣ, говорятъ, что до Аму будетъ, пожалуй, около 160 верстъ. Они указывали также, что посланникъ съ умысломъ уменьшаетъ это разстояніе и съ умысломъ увеличиваетъ разстояніе до Бухары. Слуху этому, ходившему вначалѣ между киргизами, не придавали особеннаго значенія, но съ приходомъ на Халъ-ата всѣ невольно призадумались. Зря идти рискованно, сдѣлать рекогносцировку легкимъ кавалерійскимъ отрядомъ тоже рискованно, такъ какъ ходили слухи, что хивинцы въ значительныхъ силахъ стоятъ у Учь-учака. Послали джигитовъ; но они вернулись, не доѣхавъ до Аму-Дарьи, завидѣвъ вдали непріятельскіе разъѣзды.

Нужно сказать правду: настроеніе духа у всѣхъ было невеселое. Мы далеко углубились внутрь степи; подъемныя средства съ каждымъ часомъ слабѣли, подвозъ продовольствія и освѣженіе верблюдовъ было бы вообще крайне трудно, и если только возможно, то очень не скоро; впереди же полная неизвѣстность, какъ относительно разстоянія, такъ равно и относительно свойства дороги, о которой съ каждымъ днемъ слухи доходили все болѣе и болѣе неблагопріятные и неутѣшительные.

Намъ разсказывали, что когда-то бухарскія войска сунулись было по этому пути на Аму-Дарью, но что пески дотого ихъ измучили, что только часть войскъ едва добралась на шестыя сутки, и что они чуть всѣ не погибли.

Раскрыли книгу Вамбери; но тамъ ничего опредѣленнаго относительно разстоянія не имѣется; тамъ говорится скорѣе о невозможности перехода: «Тутъ нѣтъ никакой возможности проѣхать на лошади хоть одну станцію». Опредѣлили астрономическое положеніе Халъ-ата; нанесли на карту, измѣрили разстояніе до Аму-Дарьи, которую нанесли по съемкѣ Игнатьева, выходитъ около 140—150 верстъ, тоже не утѣшительно. Наконецъ, было заявленіе, что съемка эта не можетъ приниматься въ соображеніе, такъ какъ безъ астрономическихъ наблюденій и безъ точной инструментальной съемки положеніе рѣки можетъ быть очень не точно, и что ошибка можетъ дойдти до 30 верстъ. Но въ такомъ случаѣ ошибка одинаково можетъ быть на обѣ стороны, т. е. разстояніе становится въ предѣлахъ отъ 110 до 170 или 180 верстъ. Однимъ словомъ, какъ ни кинь все клинъ;—утѣшительно, нечего сказать.

Наконецъ разнеслась молва, что маршрутъ измѣняется, но куда и какъ пойдемъ, еще неизвѣстно. Много начало ходить разныхъ темныхъ слуховъ въ эти трудныя для насъ минуты, но откуда исходили эти слухи, гдѣ они родились и что было поводомъ къ ихъ появленію—одному Богу извѣстно.

Не могу умолчать объ одномъ происшествіи, которое произвело на насъ сильное впечатлѣніе и грустно поразило насъ, тѣмъ болѣе, что оно касается личности, которая заслуженно пользовалась у насъ всеобщимъ уваженіемъ и любовью, была всегда душою общества. Я говорю о покойномъ Дмитріѣ Ивановичѣ Романовѣ.

Въ походахъ онъ рѣдко ѣхалъ верхомъ, а большею частью въ телѣгѣ, гдѣ все время читалъ книги или рукописи, которыми онъ запасся, спеціально изучая аральскій бассейнъ и дѣлая выборки касательно путей Средней Азіи. Онъ готовился, какъ извѣстно, изслѣдовать устье и русло Аму-Дарьи. Въ Буканскихъ горахъ онъ слегка простудился, но не обращалъ вначалѣ на это вниманія. Но черезъ нѣсколько дней болѣзнь взяла свое, тѣмъ болѣе что онъ по неосторожности снялъ съ себя фуфайку не во время и продрогъ вечеромъ. У него, вѣроятно вслѣдствіе этого, болѣзнь приняла видъ тифозной горячки, которая его сильно изнуряла. Послѣднюю недѣлю онъ страдалъ полною безсонницею

вслѣдствіе сильнаго повышенія температуры, сопровождавшагося бредомъ; съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе переѣздовъ въ очень неудобной телѣгѣ, раздраженіе это усиливалось, а моральное состояніе его быстро пошло къ упадку и принимало повременамъ крайне мрачный характеръ. Въ послѣдніе три дня онъ былъ очень слабъ и взоръ его былъ мутный. Когда, наконецъ, я зашелъ къ нему, онъ съ грустью говорилъ: «Чортъ дернулъ меня идти въ экспедицію; сидѣлъ бы я теперь спокойно въ Питерѣ да каталъ бы съ дѣтками яица». Объ экспедиціи онъ не могъ говорить равнодушно; перемѣну маршрута онъ шибко не одобрялъ; онъ не разъ говорилъ мнѣ, что путь этотъ неудаченъ и что мы сильно потерпимъ, какъ и въ 40 году. Въ день, когда онъ застрѣлился, онъ сказалъ: «мнѣ кажется, что у меня разжиженіе мозга».

Въ 9½ часовъ вечера, 17 апрѣля, раздался крикъ: «позвать доктора къ начальнику отряда». Крикъ этотъ повторился нѣсколько разъ и разными голосами и встревожилъ насъ. Что-то зловѣщее было въ этомъ зовѣ, и быстро пронеслась по лагерю печальная вѣсть, сильно поразившая насъ: 19 числа Дмитрій Ивановичъ скончался, а 20 его похоронили.

И на картѣ не отыщешь того мѣста, гдѣ окончилъ онъ свою многодѣятельную жизнь и гдѣ сложилъ онъ преждевременно свои кости. Миръ праху твоему! Да проститъ тебѣ Богъ!

Л—й.

ІОАННЪ РАКОВСКІЙ,

НАРОДНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ ВЪ УГОРСКОЙ РУСИ.

Въ Россіи лишь въ недавнее время можно услышать—и то очень, очень рѣдко—слово «Угорская Русь». Шестисоттысячный угорскій народъ—оторванная и заброшенная историческою судьбою часть Владиміровой Руси—былъ извѣстенъ лишь записнымъ спеціалистамъ—славистамъ. Между тѣмъ, эта отрѣзанная часть русскаго православнаго народа цѣлые вѣка не прерывала своей духовной связи съ Россіей, на Россію всегда устремляла она свои взоры и свои чаянія. Нынѣшнее невыносимое мадьярское иго, которое тяготѣетъ надъ Угорскою Русью, высасываетъ и изсушаетъ, повидимому, послѣднія ея нравственныя силы, отчасти ослабляется этою скрытою, нравственною связью, надеждами на лучшее будущее....

Существенные элементы нравственнаго облика славянскаго племени—православная вѣра и языкъ остались и въ Угорской Руси вы-